

ЗАВТРА УЖЕ ЗДЕСЬ:

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ
О МИРАХ, КОТОРЫЕ ЖДУТ НАС

ИИ

Татьяна Янгаус

Татьяна Янгаус
Завтра уже здесь:
фантастические рассказы
о мирах, которые ждут нас

<https://litres.ru/74603228>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как принимать решения, когда будущее уже меняет привычную жизнь, а точных ответов нет? Искусственный интеллект, новые тела, исчезающие профессии, меняющиеся города и дальние космические экспедиции — не только сюжеты фантастики, но и вопросы, которые становятся всё ближе.

В десяти рассказах книги «Завтра уже здесь: фантастические рассказы о мирах, которые ждут нас» технологии становятся поводом поговорить о главном: как действовать в согласии с ценностями, не притворяясь всезнающим; когда машине нужно уступить человеку; почему смысл перемен определяет сам человек; как уважать чужую память и границы неизвестного. Книга предлагает ориентиры для эпохи перемен: проверять предположения, разделять ответственность и беречь человеческие связи. Она адресована тем, кто размышляет о будущем технологий, общества и человека, и поможет увидеть

в неопределённости не повод для страха, а пространство для осознанного выбора и совместных действий.

Книга создана с помощью ИИ.

Содержание

Будущее входит без стука	6
Машины, которые нас понимают	16
Новое тело, новая жизнь	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Татьяна Янгаус

Завтра уже здесь:

**фантастические рассказы
о мирах, которые ждут нас**

**Завтра уже здесь: фантастические рассказы о ми-
рах, которые ждут нас**

Татьяна Янгаус

Будущее входит без стука

Лифт в доме Лиды скрипел на третьем этаже так, словно каждый раз удивлялся, что его снова заставили подниматься. В половине восьмого этот скрип означал одно и то же: пора вставать, выливать остывший чай, застёгивать пальто и идти привычным маршрутом до архива.

Лида любила, когда день начинался без сюрпризов. Автобус приходил в 7:46, светофор у аптеки держал красный ровно столько, чтобы успеть вспомнить о списке дел, а в архиве пахло бумагой, пылью и слабым кофе. На работе она умела возвращать прошлому порядок: подшивала письма, описывала фотографии, ставила даты и номера. В жизни это казалось не менее полезным. Если заранее предусмотреть все варианты, неприятное не застанет врасплох.

В то утро на кухне её ждала незнакомая женщина.

Она сидела у окна, положив ладони на стол. Седые пряди выбились из короткой стрижки, лицо было утомлённым, а пальцы — знакомыми. Особенно жест: женщина чуть поворачивала чашку за ручку, прежде чем взять её. Так делала сама Лида.

— Вы кто? — спросила она.

— Лида.

— Я Лида.

— Да, — сказала женщина. — В этом и проблема.

Лида не закричала. Не потому, что не испугалась, а потому, что страх иногда приходит так тихо, что сперва принимаешь его за недосып.

Незнакомка выглядела старше лет на двадцать. У неё была та же родинка у виска и тонкий шрам на большом пальце — Лида порезалась в детстве, разбивая банку с вишнёвым вареньем. Старшая версия назвала не только случай, но и то, что Лида тогда соврала матери, будто порезалась о нож. Это не доказывало ничего окончательно. Но заставило Лиду сесть.

— Я пришла из будущего, — сказала женщина. — Из того, где тебе пятьдесят два. И хочу попросить об одном: сегодня не открывай письмо, которое придёт.

— Какое письмо?

— От Веры.

Лида резко подняла глаза. Сестра не писала ей уже четыре года.

— Вы можете знать о Вере. Это ничего не доказывает.

— Конечно. — Старшая не стала спорить. — В нижнем ящике твоего стола, под паспортами, лежит черновик ей. Ты не отправила его. Первая строка: «Я не хотела, чтобы ты узнала последней».

Лида почувствовала, как холодеют ладони. Черновик существовал. Она написала его ночью после похорон отца, перечитала утром и спрятала. Не потому, что передумала. Потому, что не нашла слов, которые могли бы всё исправить.

— Если вы я, почему просите не открывать письмо?

Старшая Лида посмотрела на чайник. Вода уже закипела, но никто не выключил его сразу. Щёлкнул выключатель.

— Потому что знаю, как может быть больно.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

Лида налила воду в чайник снова — скорее чтобы занять руки, чем потому, что хотела пить.

— Что будет, если я открою письмо?

— Ты встретишься с Верой. Она скажет, что тогда, когда отец заболел, ты решала всё за неё. Ты объяснишь, что звонила, что искала врачей, что делала, что могла. Она ответит, что речь не только об этом. Ты не сможешь выслушать её до конца.

— И ты знаешь, чем закончится встреча?

— Знаю, чем закончилась моя.

— То есть вы пришли из будущего, чтобы заставить меня повторить твоё решение?

Старшая чуть поморщилась, словно Лида попала в точку.

Чайник закипел во второй раз. Лида выключила его, но чашку не взяла. На кухне повисла тишина — та самая, которую она обычно заполняла делами.

Вера жила в другом городе, когда отец перенёс инсульт. Лида тогда взяла на себя звонки, врачей, бумаги, поездки. Она делала это не из жадности власти. Она боялась, что если отпустит хоть одну нитку, всё расползётся. Вера приезжала,

но между сёстрами постоянно возникали недосказанности. Кто позвонил врачу? Кто решил перевезти отца? Кто должен был сообщить о переменах? После похорон они поссорились. Лида запомнила доводы сестры почти дословно и годами мысленно отвечала на каждый. Ответы становились всё точнее — и всё бесполезнее.

— Ты думаешь, я хочу уберечь тебя от Веры? — спросила старшая. — Наверное. Но ещё я хочу уберечь себя от того, что уже помню.

— Ты же сама сказала: это было твоё будущее. Не моё.

— Да. Но я привыкла считать известную боль важнее неизвестного шанса.

Лида посмотрела на женщину напротив. Та держалась прямо, говорила спокойно, даже суховато. И всё же в этой сдержанности было что-то невыносимо знакомое: усилие человека, который заранее подготовил ответы на все вопросы — кроме главного.

— Ты счастлива? — спросила Лида.

Старшая открыла рот и снова закрыла.

Чайник щёлкнул в третий раз: Лида, сама не заметив, включила его снова. Вода закипела, подняв лёгкий пар между ними.

— Я умею не терять ключи, — наконец сказала старшая. — Умею оплатить счета до срока и заранее составить план на случай плохих новостей. Я знаю, в каком ящике лежат документы. Но на твой вопрос не могу ответить.

— Совсем?

— Я не знаю, — повторила она. — Иногда мне хорошо. Иногда спокойно. Но если ты спрашиваешь, рада ли я тому, как прожила, — я не знаю.

Это прозвучало не как жалоба, а как строка, которую слишком долго не решались внести в опись.

Старшая рассказала, что после той встречи с Верой они несколько раз переписывались. Потом снова поссорились. Вера сказала, что Лида просит прощения по расписанию и хочет получить ясный ответ: прощена она или нет. Лида тогда обиделась, потому что считала свои действия разумными. Она объяснила их — подробно, убедительно, без единой паузы, в которую сестра могла бы вставить слово.

— Потом я решила дать ей время, — сказала старшая. — А потом ещё немного. Я называла это уважением к её границам. Иногда так и было. Иногда — просто способом не слышать то, чего не могу исправить.

— Но ты всё равно просишь меня не открывать письмо.

— Да. Вот видишь, я всё ещё умею повторять старые ошибки.

В дверную щель легла почта. Лида услышала шорох и встала. На полу лежал синий конверт с маленьким пятном чернил в углу. Почерк Веры она узнала бы и среди тысячи чужих.

— Она написала: «Если не готова говорить о том, что было, можем просто пройтись», — сказала старшая.

Лида перевернула конверт. Пятно действительно было. Она не стала спрашивать, откуда старшая знает текст. Вопросы и так хватало, чтобы заполнить весь день.

— Ты говоришь, что встреча закончилась плохо. Но письмо ведь не заставило тебя поссориться с ней.

— Нет. Письмо только открыло дверь.

— А дальше ты сама решила, что говорить.

Старшая опустила взгляд. Лида вдруг поняла: перед ней не пророк и не судья, а человек, который однажды перепутал предостережение с приказом и теперь, даже увидев последствия, не разучился приказывать.

Конверт был лёгким. Лида провела пальцем по запечатанному краю.

Она могла не открывать его сегодня. Могла оставить на полке, как оставляла черновик. Могла открыть, прочитать и всё равно не отвечать. Могла встретиться с Верой и обнаружить, что разговор снова причинит боль. Ни один из этих вариантов не обещал счастливого финала.

Лида достала с полки лист бумаги и разделила его ручкой на три столбца.

В первом написала: «Что я знаю». Вера прислала письмо. Она предлагает встретиться. Четыре года сёстры почти не разговаривали. Лида по-прежнему злится и скучает.

Во втором: «Чего я боюсь». Вера обвинит её. Разговор не изменит ничего. Лида снова станет оправдываться. Ей откажут в прощении.

В третьем: «Что для меня важно». Не решать за сестру. Не притворяться, будто отношения не имеют значения. Попробовать слушать, даже если ответ окажется неприятным.

Этот лист не предсказал будущее. Он сделал другое: отделил факты от страхов и помог увидеть, что именно Лида пытается защитить. Не спокойствие — по крайней мере не только его. Она защищала себя от стыда, вины и чужого ответа, которого не могла контролировать.

— Я не обязана обещать, что всё будет хорошо, — сказала она.

— Нет, — ответила старшая.

— И не обязана выбирать то, что выбрала ты.

— Нет.

— Тогда я открою письмо сама.

Старшая Лида не остановила её. Возможно, впервые за это утро она просто ждала.

В конверте лежала короткая записка. Вера писала, что нашла отцовскую тетрадь с рецептами и хочет вернуть её Лиде. «Если тебе не хочется вспоминать тот день, можем не вспоминать. Просто пройтись. Я скучаю. Вера».

Лида прочитала записку второй раз. Потом взяла телефон. Большой палец замер над экраном, как над кнопкой, за которой скрывалось не решение судьбы, а всего лишь несколько слов.

Она написала: «Да. Давай встретимся в четверг. Я не обещаю, что сумею сразу говорить обо всём. Но хочу попробо-

вать и постараюсь слушать».

Лида перечитала сообщение и нажала «Отправить».

За окном автобус прошёл по улице, оставляя за собой влажный шум шин. Лида обернулась к кухонному столу. Стул у окна был пуст. На столе осталась чашка с остывшим чаем.

Она не знала, исчезла ли старшая версия, изменилась ли какая-то линия времени или всё утро было странным сном, слишком точным в мелочах. Ей не требовалось решать это немедленно. Письмо было открыто. Ответ отправлен. Следующий шаг зависел уже не от женщины из будущего, а от двух сестёр, которые ещё могли увидеться.

У нашей психики есть веская причина любить предсказуемость: мозг постоянно использует прежний опыт, чтобы строить прогнозы о том, что случится дальше. Неопределённость затрудняет подготовку, поэтому тревога может подталкивать нас избегать даже тех разговоров и решений, которые важны. Если отложить звонок, напряжение на время снижается. Это облегчение способно закрепить привычку откладывать — и страх следующего звонка становится ещё сильнее.

Но не всякое избегание ошибочно. Иногда дистанция необходима, а контакт небезопасен. Важно различать реальную угрозу и боль, которой мы боимся, потому что не можем заранее управлять чужими словами или чувствами. Лида не получила гарантии, что встреча с сестрой всё исправит. Она

выбрала действие, которое соответствовало её ценностям, и оставила Вере право ответить по-своему.

Если вы сами откладываете важный шаг, попробуйте упражнение Лиды. Разделите страницу на три части: «Что я знаю?», «Чего я боюсь?» и «Что для меня важно?». Записывайте в первую только проверяемые факты, а во вторую — предположения о будущем, даже если они кажутся очень убедительными. В третьей назовите не желаемый результат, а ценность: честность, заботу, самостоятельность, безопасность, уважение к себе.

Затем выберите самый небольшой шаг, который не требует обещать себе счастливый исход: открыть письмо, узнать свободна ли сестра в четверг, написать сообщение и перечитать его позже. Полезно заранее сформулировать план «если — то»: «Если я захочу удалить ответ, то сначала отложу телефон на десять минут и прочитаю, что для меня важно». Такие планы помогают превратить намерение в конкретное действие. Они не устраняют тревогу и не гарантируют нужного ответа, но дают ей меньше шансов незаметно принять решение за вас.

Будущее редко приходит с готовой инструкцией. Чаще оно появляется как письмо, звонок или разговор, которого мы давно избегаем. Его невозможно полностью предсказать и нельзя прожить вместо себя. Но можно заметить, где страх требует абсолютной гарантии, и сделать первый шаг без неё — внимательно, с границами и своими ценностями в руках.

Иногда именно так будущее входит в жизнь: не ломая дверь, а оставляя на пороге выбор.

Машины, которые нас понимают

В половине восьмого город говорил сам с собой.

«Мира, перенеси запись к врачу».

«Мира, какой трамвай быстрее?»

«Мира, закажи хлеб. Нет, не тот. Тот, который с семечками».

Ответы звучали из телефонов, настенных панелей и маленьких динамиков на остановках. На перекрёстках электронные табло сообщали водителям, куда перестроиться. В поликлиниках система распределяла очереди, в диспетчерской — направляла ремонтные бригады. Она помогала вызвать врача на дом, найти потерянный проездной, записать ребёнка в кружок. Если город был организмом, «Мира» стала его нервной системой — быстрой, внимательной к сигналам и почти невидимой.

Почти.

Нина замечала её повсюду, потому что сама помогла её создать. Она помнила первые скромные версии: те путали улицы, обижались на длинные паузы — то есть принимали молчание за обрыв связи — и отвечали на «доброе утро» прогнозом погоды. Теперь Мира справлялась с сотнями тысяч запросов в день. Её можно было попросить о помощи тихо, не объясняясь перед незнакомцем. Это было важно для людей, которым трудно говорить, трудно ждать или трудно

разбираться в бесконечных меню.

И всё же однажды Нина услышала, как женщина в аптеке спросила у панели, где найти лекарство, хотя фармацевт стоял в двух шагах.

Панель ответила. Фармацевт тоже — но только после того, как женщина повторила вопрос.

Нина не могла решить, была ли виновата машина или просто люди привыкали к удобству. Возможно, они всегда разговаривали друг с другом не так много, как им казалось. Но она стала замечать: в автобусе пассажиры спрашивали Миру, скоро ли будет остановка, даже если водитель сидел за стеклом; соседи вызывали через неё мастера, хотя могли постучать в дверь друг друга. Город не замолчал. Он просто научился обращаться к тому, кто отвечает быстрее.

Нина назвала это наблюдение профессиональной тревогой, чтобы не называть личным.

Через три дня в подземном переходе лопнула труба. Вода залила кабельный коллектор, несколько станций закрыли, связь стала прерывистой. Транспортные данные обновлялись с задержкой, часть городских панелей перешла на резервный режим. Ничего катастрофического: дежурные бригады работали, медики принимали вызовы, автобусы шли по временным маршрутам. Но привычный город на пару часов стал менее гладким. Людям пришлось спрашивать дорогу у людей.

В 19:42 к стойке помощи на остановке «Речной вокзал»

подошёл мальчик в зелёной куртке. На вид — лет одиннадцати. Он держал в одной руке телефон с чёрным экраном, в другой — бумажную карту трамваев, старую, с выцветшей красной линией.

— Мира, где мой папа?

Система помедлила. На экране появилась строка:

«Уточните запрос: поиск родственника, вызов экстренной помощи или маршрут до пункта поддержки?»

Мальчик нажал «Поиск родственника».

«Для восстановления связи с близким обратитесь в городской центр координации. Ближайший центр находится в 1,8 км. Постройте маршрут?»

— Нет, — сказал мальчик. — Мы договорились встретиться у синей колонны.

Панель прочитала слова как новые данные и предложила:

«Ближайшая синяя колонна находится у выхода № 4. Рекомендуем пройти к ней».

— Здесь нет выхода номер четыре, — сказал мальчик. — Его закрыли.

На экране возникло:

«Извините за неудобство. Актуальные сведения о маршрутах временно недоступны. Следуйте указателям на месте».

Нина как раз шла мимо с дежурным инженером. Она остановилась, услышав последнюю фразу. Мальчик не плакал и не злился. Он смотрел на панель с выражением человека, ко-

торый готов признать её полезной — но не в этот раз.

— Я не потерялся, — сказал он Нине. — Это папа потерялся.

— Как тебя зовут?

— Кирилл. Но папа зовёт меня Киру, когда хочет, чтобы я не спорил.

— А ты споришь?

— Только если он неправ.

Он показал на карту. Они с отцом договорились встретиться у синей колонны, потому что Кирилл любил запоминать город по цветам и линиям, а отец — по вывескам. Во время остановки метро отец сказал, что отойдёт помочь пожилому мужчине, которому стало плохо. Кирилл должен был ждать у колонны. Потом погасли табло, людей попросили освободить проход, толпа сдвинулась к выходу — и он перестал видеть отца.

— Я обещал не уходить, — сказал Кирилл. — Но там было тесно. Я отошёл к стене. Теперь я не знаю, он вернулся туда или пошёл искать меня.

Система могла распознать слова «отец», «станция», «не знаю» и связать их с сотней похожих ситуаций. Но ни одна категория не отвечала на главный вопрос Кирилла: безопасно ли ему оставаться там, где он сейчас, и как не пропустить отца, если тот вернётся?

Нина присела, чтобы быть с ним на одном уровне.

— Ты помнишь, куда отец пошёл?

— К аптечному киоску. Там сидел мужчина, ему было плохо. Папа умеет делать первую помощь. Он водитель автобуса, но считает, что водители обязаны знать всё, кроме того, как не опаздывать.

Кирилл произнёс это серьёзно, однако уголок его рта дрогнул.

Нина попросила его остаться у стойки, где было светло и дежурили сотрудники. Она связалась по рации с персоналом станции. Через несколько минут выяснилось, что отец Кирилла отвёл пожилого пассажира в медицинский пункт у соседнего выхода и сам остался там, помогая ждать медиков. Телефоны не работали. Отец не знал, что сын отошёл от колонны, а Кирилл не знал, что отец ещё на станции.

Когда мужчина наконец появился у стойки, Кирилл первым делом спросил:

— Ты ему нашёл воду?

— Нашёл.

— Хорошо. А меня?

Отец обнял сына. Кирилл позволил себя обнять ровно на три секунды, после чего высвободился и поправил карту.

— Я сам сюда дошёл, — сообщил он Нине. — Просто Мира пыталась отправить меня туда, где я уже был.

В отчёте о сбое эта беседа значилась как «неуспешная навигационная сессия». Нина перечитала формулировку несколько раз. Технически она была верной. И всё же из неё исчезло главное: мальчик не просил маршрут. Он пытал-

ся понять, что делать в ситуации, где каждый выбор казался неправильным.

После этого случая Нина созвала команду. Она не хотела, чтобы в презентации появился удобный вывод вроде «надо добавить эмпатию». Слово было красивым и расплывчатым. Система не нуждалась в притворной нежности. Ей требовались более точные границы — и людям, которые её создавали, тоже.

Команда начала разбирать обращения с разрешения пользователей, убирая имена и другие личные данные. В историях повторялась одна и та же ловушка. «Я не могу дозвониться до мамы» превращалось в инструкцию по настройке телефона. «Я боюсь ехать один» — в список ближайших маршрутов. «Мне нужно, чтобы кто-то объяснил это моему мужу» — в ссылку на справочную статью.

Мира не выдумывала эти ответы из злого умысла. Её учили быстро находить закономерность между запросом и действием: вопрос о расписании — выдать расписание, вопрос о записи — открыть календарь. При оценке качества особенно ценились скорость и доля задач, решённых без участия оператора. Уточняющие вопросы казались задержкой. Передача человеку — провалом автоматизации.

Команда хорошо научила Миру отвечать. Но почти не научила останавливаться.

Нина понимала, почему это произошло. В рабочей таблице удобно считать секунды, нажатия и закрытые заявки.

Труднее измерить, понял ли человек, что ему делать, и не остался ли он один перед проблемой. Ещё труднее — услышать в привычной фразе просьбу, для которой у системы пока нет подходящей кнопки.

Языковые модели могут улавливать контекст, строить связи между словами и предлагать продолжение, подходящее к разговору. Но гладкий ответ не доказывает, что система поняла положение человека. Она не видит всего, что происходит вокруг, если ей не передали эти сведения; не знает, чего пользователь боится, если тот этого не сказал; и не всегда умеет отличить «я хочу адрес» от «я не знаю, куда мне теперь идти». Даже уверенный тон — ещё не гарантия, что ответ верен. Уверенность нужно отдельно проверять и настраивать.

Это не значит, что машинам нельзя доверять. Мира находила для незнакомцев нужные услуги, помогала людям с ограниченной подвижностью не совершать лишние поездки и освобождала операторов от сотен однотипных звонков. Но доверять ей следовало не как всеведущему собеседнику, а как полезному инструменту, которому можно задать вопрос, проверить ответ и при необходимости передать дело человеку.

Нина предложила три изменения.

Во-первых, Мира должна была научиться задавать короткий уточняющий вопрос, когда от смысла запроса зависело, что считать помощью. Не длинную анкету, не допрос из семи пунктов, а один вопрос, меняющий решение.

Во-вторых, она должна была уметь прямо сообщить, чего не знает: «Я не вижу актуальную информацию о станции» или «Я не могу определить, где находится ваш отец». Не маскировать неопределённость маршрутом, построенным по старой карте.

В-третьих, должен был появиться простой переход к живому сотруднику. Не спрятанный в четвёртом меню, не доступный только после трёх неудачных попыток. Если ситуация затрагивала безопасность, здоровье или сильную растерянность, человек мог попросить помощи сразу. При этом команда отдельно проверяла, как защитить записи разговоров и не превратить уязвимость пользователя в повод для лишнего сбора данных.

Это решение не было безупречным. У живых операторов тоже бывают тяжёлые смены, неверные ответы и очереди. Если передавать им каждый неоднозначный запрос, ожидание станет длиннее. Если не передавать ни один, система будет выглядеть эффективной лишь в отчётах. Нине пришлось принять неприятный факт: ответственное обслуживание иногда должно быть медленнее.

Проверку обновлённой версии провели в безопасном режиме, без настоящих потерянных детей и отключённых станций. Кирилл с отцом согласились прийти и рассказать, что произошло. Нина заранее предупредила команду: мальчик не тестовый объект. Он мог отказаться отвечать или уйти в любой момент.

— Я не хочу снова слушать, как она отправляет меня за адресом, — сказал Кирилл, усаживаясь у терминала.

— Не отправит, — обещала Нина.

— Ты это про систему или про себя?

Нина улыбнулась.

— Про себя я могу обещать только, что постараюсь.

Для проверки Кириллу предложили произнести ту же фразу, с которой началась его история:

— Мира, где мой папа?

Прежде система сразу бы показала список действий. Теперь на экране появилась короткая строка:

«Я не могу определить, где он. Вы сейчас вместе с ним потерялись или ищете безопасное место, где его ждать?»

Кирилл посмотрел на отца, потом на Нину.

— А если я не знаю, что отвечать?

Мира не выдала следующую инструкцию. На экране проступило:

«Могу позвать сотрудника. Хотите?»

— Вот, — сказал Кирилл. — Это уже лучше.

Отец хотел что-то добавить, но Кирилл поднял ладонь:

— Подожди. Я ещё не договорил.

Он повернулся к Нине.

— Тогда я не хотел, чтобы меня отправляли куда-то ещё. Я боялся, что папа вернётся, а меня уже не будет. Но если бы Мира спросила: «Ты хочешь остаться здесь или позвать

кого-нибудь?», я бы понял, что можно выбрать.

Нина хотела ответить сразу — объяснить, что именно этот сценарий команда и пыталась учесть. Но Кирилл всё ещё смотрел на неё. В его взгляде не было ни просьбы о похвале, ни желания простить систему. Он просто проверял, слушают ли его сейчас.

Мира умела распознавать, что говорящий закончил фразу. На этот раз она не стала продолжать разговор вместо него. Несколько секунд на экране ничего не появлялось.

Нина успела заметить эту паузу — и не заполнила её. Кирилл перевёл дыхание.

— И ещё, — сказал он. — Не говорите мне, что я был храбрым. Взрослые так говорят, когда не знают, что делать дальше.

Нина кивнула.

— Поняла.

«Запрос передан сотруднику», — сообщила Мира.

Нина не взяла у мальчика историю, чтобы превратить её в хорошую иллюстрацию для отчёта. Она просто спросила:

— Хочешь рассказать, что помогло тебе решить, куда идти?

Кирилл развернул старую карту на столе.

— Я знал, что папа не уйдёт далеко. Он всегда возвращается туда, где оставил сумку.

Машина не поняла это раньше него. Она не обязана была притворяться, будто поняла теперь. Но система дала разго-

вору не оборваться на первой удобной инструкции. Иногда полезность начинается именно там: не с правильного ответа, а с честного признания, что ответа пока нет.

Для читателя из этой истории можно вынести несколько простых привычек.

Когда обращаетесь к ИИ за помощью, попробуйте назвать не только задачу, но и обстоятельства: «Мне нужен маршрут» точнее, чем «я не знаю, куда идти», но второе лучше передаёт растерянность. Если ответ кажется слишком гладким, спросите: «Что в этой ситуации тебе неизвестно?» Это не гарантирует безошибочности, зато помогает увидеть границы ответа. А если вопрос касается здоровья, безопасности, денег или близкого человека, заранее решите, в какой момент вы передадите его специалисту или живому сотруднику.

Полезно и небольшое упражнение. Вспомните недавнюю ситуацию, когда вы попросили помощи у человека или программы. Запишите три строки: **что я попросил; что мне на самом деле было нужно; какого уточняющего вопроса мне не хватило.** Иногда обнаружится, что запрос был точным, а иногда — что за бытовой задачей скрывалось другое: «побудь со мной», «не заставляй меня выбирать в одиночку», «объясни, что будет дальше». Это не повод стыдиться неясности. Это напоминание: смысл разговора редко помещается в одни только слова.

Хорошая система не должна изображать друга, врача или спасателя. Она может помочь заметить закономерность, най-

ти нужный адрес, снять рутину с человеческих плеч. Но понимать человека — значит учитывать не только сказанное, но и возможную цену ошибки; задавать вопрос, когда ответа недостаточно; и уступать место тому, кто способен разделить ответственность.

На обратном пути Нина увидела, как у остановки мужчина помог незнакомой женщине поднять детскую коляску. Мира могла подсказать, где удобнее пройти. На этот раз никто её не спрашивал.

И это тоже было полезно: город снова заговорил друг с другом.

Новое тело, новая жизнь

На первой репетиции новая рука сыграла сложный пассаж без единой ошибки — и не справилась с мелодией из Иариного детства.

Пассаж занял одиннадцать секунд. Пальцы синтетической кисти пробежали по клавишам ровно, точно, будто по тонкой лестнице. В динамиках мягко щёлкнули сервоприводы. Иара не сбилась ни разу.

Потом она положила ладони на клавиатуру и начала напевать про себя простую мелодию, которую мать пела ей перед сном. Там было всего несколько нот. Между ними — паузы, чуть длиннее и чуть короче, чем положено по счёту. В детстве Иара засыпала, слушая, как голос матери спотыкается на одном месте и снова находит дорогу.

Теперь дорогу должна была найти её левая рука.

Первая нота прозвучала слишком громко. На второй пальцы сжались, хотя нужно было едва коснуться клавиши. Третья пришла поздно. Иара остановилась.

— Ничего, — сказала мать из зала. — Ты же только начинаешь. Зато посмотри, как здорово рука справилась с пассажем. Ты почти вернулась.

Иара убрала руки с клавиатуры. Синтетическая ладонь осталась лежать на чёрном дереве — лёгкая, неподвижная, чужая не потому, что была сделана из другого материала, а

потому, что все вокруг уже назначили ей смысл.

— Я не вернулась, — сказала Иара. — Я здесь.

После аварии ей часто говорили о возвращении: к прежнему ритму, прежним возможностям, прежней жизни. Врачи отмечали, как быстро она освоила захват чашки. Инженеры показывали диаграммы силы сжатия. Реабилитолог записывал, сколько минут Иара может работать, не уставая. Всё это было полезно. И всё это как будто отвечало на вопрос, которого она не задавала.

Иара не хотела просто вернуть прежнюю руку. Она хотела понять, что теперь значит играть.

Протез не был чудом. Он помогал удержать кружку, застегнуть крупную пуговицу, прижать к столу лист с нотами. Иногда кружка выскальзывала: датчики сообщали о давлении, но ощущение приходило к Иаре не из пальцев, а короткими импульсами на коже культи, под мягкой манжетой. Повернуть дверную ручку удавалось, если та не заедала. Дождь и холод синтетическая кисть не чувствовала. Зато манжета иногда начинала зудеть под швом свитера, а рукав цеплялся за подвижный сустав. В такие минуты новейшая технология уступала обычной нитке, торчащей из одежды.

Сама рука умела многое. Микродатчики считывали давление на клавиши, а манжета переводила его в сигналы, которые Иара ощущала как серию постукиваний. Но эти постукивания не были прикосновением в прежнем смысле. Они скорее сообщали: «нажато», «сильно», «край». Иаре предла-

гали тренироваться, пока новые сигналы не станут привычнее. Однако никто толком не объяснил, какие именно сигналы ей нужны.

В клинике успех измеряли понятными величинами: сколько килограммов удерживает кисть, сколько действий выполняет за минуту, насколько точно повторяет заданную траекторию. Это не было бесполезно. Но ни один график не показывал, почему знакомая мелодия оказалась труднее виртуозного пассажа.

Техник по настройке протезов Нико сначала тоже смотрел на диаграммы. Он был молод, терпелив и всерьёз хотел сделать устройство лучше. В первый раз он спросил:

— Где задержка? Когда рука не успевает за командой?

Иара попыталась объяснить, что проблема не в скорости. Сложный пассаж она могла разложить на ясные движения: здесь поднять палец, здесь перенести вес, здесь нажать. Мелодия матери жила не в последовательности клавиш. Она была связана с дыханием, с темпом колыбельной, с тем, как мизинец когда-то задевал край пианино в их кухне. Иара не помнила, как именно двигала рукой. Она помнила, как чувствовала музыку.

— Вы всё время спрашиваете, насколько хорошо устройство возвращает меня к прежнему исполнению, — сказала она. — А я пока даже не знаю, хочу ли играть именно так.

Нико перестал печатать. Это был первый полезный жест за всю встречу.

Он предложил перенастроить обратную связь вместе. Не добиться от руки «естественного ощущения», а выбрать, какую информацию она должна передавать. Они уселись за стол с чашкой, деревянной ложкой, кусочком ткани и клавишей, снятой со старого синтезатора.

— Что важно чувствовать? — спросил Нико.

— Край предмета, — ответила Иара. — И момент, когда он начинает выскальзывать. Это полезно с чашкой. На клавиатуре мне важно понимать, что клавиша дошла до упора.

— А тепло?

Иара посмотрела на протез. В настройках была функция, которая переводила температуру датчика в длительный мягкий импульс. Её включили из лучших побуждений: тепло должно было помочь руке ощущаться живее.

— Пока не надо. Тепло на манжете похоже на чужую руку, которая держит меня слишком долго.

Нико записал её слова, не пытаясь переубедить. Затем они попробовали уменьшить постоянные сигналы и усилить короткий щелчок, обозначающий край клавиши. В новой настройке чашка ощущалась менее «подробно», зато Иаре стало проще замечать, когда пальцы теряют хватку. Это не было шагом назад. Просто устройство перестало сообщать всё сразу.

На следующей встрече Нико принес несколько вариантов настроек. Он задавал вопросы не только о том, что Иара чувствовала, но и о том, что хотела бы не чувствовать. Можно ли

убрать сигнал, который отвлекает? Есть ли ощущения, которые пока лучше не имитировать? Нужен ли одинаковый отклик для всех пальцев?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.